

ДЖОН БРАННЕР

ОВЦЫ СМОТРЯТ ВВЕРХ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

Б87

Серия «Эксклюзивная классика»

John Brunner

THE SHEEP LOOK UP

Перевод с английского *B. Миловидова*

Художник *C. Неживясов*

Печатается с разрешения автора,
Jane Judd Literary Agent и Prava I Prevodi.

Браннер, Джон.

Б87 Овцы смотрят вверх : [фантастический роман] / Джон Браннер ; [перевод с английского В. Миловидова]. — Москва : Издательство ACT, 2026. — 576 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-181226-3

Возможно ли остановить катящийся под горку Западный мир? Что станет с человечеством в ближайшем будущем и есть ли у него это будущее?

Америка, 80-е годы XX века. Жадность крупнейших корпораций привела к непоправимому загрязнению воды, воздуха, продуктов питания. Население страдает от недоедания и всевозможных болезней, с каждым днем на улицах все больше безработных. Средства массовой информации кормят народ сказками про сплоченность, единство и светлое будущее, но верящих во все это с каждым днем все меньше. Ученый-исследователь Остин Трейн неожиданно для самого себя становится символом борьбы простого американца за свои права.

В антиутопическом романе-предостережении 1972 года «Овцы смотрят вверх» Браннер умело вскрывает все болевые точки глобализма, сталкивая природу и цивилизованного человека в смертельном противостоянии.

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

© Brenner Fact and Fiction Ltd, 1972

© Перевод. В. Миловидов, 2023

© ООО «Издательство ACT», 2026

ISBN 978-5-17-181226-3

*Памяти Изобель Грейс Сойер (1887–1970),
урожденной Розамонд,
посвящается*

**ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ЗАСОРЯЙТЕ ПРИЧАЛ!
МУСОР БРОСАТЬ В ВОДУ!**

Неоновая надпись из экспозиции лондонского музея «Свалка Господня»; редактор Питер Блейк

ДЕКАБРЬ

ПЕРСПЕКТИВЫ

*Настанет день, когда все дети на Земле
Жить станут в сыте, в холе и в тепле.
А волки кровожадные и злые львы
Свирепой не поднимут головы.*

*И, с дерева слетев, сухой прогнивший сук
Жестоко не сразит ребенка вдруг.
И станет рощею дремучая тайга,
Среди пустынь раскинутся луга.*

*Счастливый и беспечный детский хоровод
Сольется в танце у спокойных вод,
И радостно воскликнет нежное дитя:
«На западе, откуда прибыл я,*

*Мой дед смирил могучий страшный океан,
И озерцом отныне стал титан».
Другой же скажет: «На востоке, где мой дом,
Где с матерью мою мы живем,*

*Не встретить боле кровожадного зверья,
Лиши в клетках львов и тигров видел я».
И дикий север, царство вечных холодов,
В сад райский обратится, и цветов
Ковер покроет прежде мертвые поля,
И оживет продрогшая земля.
И Южный полюс благородный человек
Уютным домом сделает навек.*

Рождество в Новом Риме, 1862 год

КРОВАВАЯ РЕЗНЯ

Дикие звери?

Средь бела дня на шоссе, ведущем к Санта-Монике?

Устроили охоту и рвут всех на части?

Это безумие! Безумие!

Такое привидится только в ночном кошмаре: ты зажат со всех сторон, ты не можешь даже пошевелиться, а отовсюду, дыша смрадом из разверстых пастьей, на тебя наседают дикие звери. Растворившиеся на целую милю, три полосы шоссе пытаются на выходе втиснуться в две. Машины ревут, норовят оттолкнуть друг друга, поцарапать друг другу борта. И ты хотел бы сбежать отсюда, но понимаешь: остаться в этом месиве безопаснее.

Серый свет неба тускло блеснул, отразившись от клыков пумы.

Волнообразный ягуар выпустил острые, как ножи, когти.

А вот, напружинившись, изготовилась к удару кобра.

В зените парит кровожадный сокол, а сбоку неслышно подплывает голодная барракуда.

**И все-таки, когда нервы твои не выдерживают
и ты бросаешься в бегство, настигают тебя не
они, а скат-хвостокол.**

ЗНАКИ ВРЕМЕНИ

КУПАТЬСЯ С БЕРЕГА ОПАСНО

Вода не питьевая

ПОТРЕБЛЯТЬ В ПИЩУ ЗАПРЕЩЕНО

ВЫМЫТЬ РУКИ!

(Штраф за нарушение правила — 50 долларов)

**ДЛЯ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ
ФИЛЬТРУЮЩИХ МАСОК**

(Использовать не дольше чем в течение часа!)

КИСЛОРОД — 25 центов

НЕ НА НАШИХ ЗВЕЗДАХ

Голос из радиоприемника не унимался: «Безопасность — это все, что вам необходимо, и мы ее обеспечим! В наилучшем стиле. Мы — агентство “Твердыня”».

Въезд на парковку перегораживал огромный автобус. Немецкий, на электротяге. Из автобуса вываливались пассажиры. Нетерпеливо постукивая костяшками пальцев по рулевому колесу, Филип Мейсон напрягся. Это что, реклама конкурентов?

Вкрадчивый голос, сопровождаемый издевательски нестройными аккордами скрипок и виолончелей, между тем продолжал: «Вы заслужили того, чтобы спать спокойно. Если отправитесь в долгий отпуск, вам не нужно будет тревожиться о доме, что остался без хозяина. Дом человека — его крепость, и мы вам это докажем!»

Нет, это не страховая компания. Какая-то фирма по охране недвижимости. Но какого

черта здесь делает этот автобус? Нашел где остановиться! Если судить по цвету, обычный, рейсовый из Лос-Анджелеса, и название на боку, как и положено, вот только пункта назначения не видно — там висит табличка «ЗАКАЗНОЙ». А кто там, внутри, через грязные окна и не увидишь. Впрочем, у него самого окна не чище. Филип Мейсон хотел было просьгналить, но вместо нужной кнопки нажал рычаг стеклоочистителя. Дворники заработали, и через мгновение он понял, что поступил правильно. Через лобовое стекло он наконец различил с полдюжины унылых детских физиономий — три черненькие, две желтые и одну белую. На переднем сиденье автобуса утнездилась пара костылей. Вот те на!

Радиоприемник не унимался: «Это мы построили для вас вашу непрступную крепость, ваш замок. По ночам наши охранники стоят на всех входах, а там, где их нет, заборы поверху защищены шипами колючей проволоки. Агентству “Твердыня” служат лучшие из лучших! Наши специалисты — бывшие полицейские и отставные офицеры морской пехоты».

Конечно! С тех пор как нас вышибли из Азии, недостатка в головорезах у них нет. Ага! Автобус дает сигнал к отправке! Медленно тронувшись, надеясь проскочить на парковку, как только автобус отойдет на достаточное расстояние, и краем глаза заметив на заднем окне автобуса табличку с названием компании-нанимателя (какой-то фонд «Сообщество Земли»), Филип Мейсон мигнул фарами автомобилю, который двигался вслед за автобусом, дескать: пропусти! Увидев, что тот согласен, Филип надавил на газ, но тут же затормозил. Проезд, ведущий на парковку, пересекал калека, инвалид, азиат-подросток, вероятнее всего вьетнамец, — с усохшей ногой, согнутой в колене и подвязанной к бедру. Ши-

роко раскинув руки, мальчик поддерживал равновесие, ухватившись за края алюминиевых ходунков, от которых к его телу и ногам тянулись многочисленные ремни.

О, слава богу, с Гарольдом не все так плохо!

Въезд на парковку охраняют темнокожие. Мысль о том, что он мог бы переехать юного калеку прямо под дулами их автоматов, бросает Филипа в пот. Желтый — это почти что черный, только еще лучше. Цветной всегда придет на помощь цветному.

Думать о помощи! И в такое время? Лучше заткнуться!

«Вам не придется бояться за своих детей, — продолжало мурлыкать радио. — Бронированные автобусы станут ежедневно забирать их от ворот вашего дома и доставлять в школу, которую вы для них выбрали. Ни на секунду они не останутся без присмотра ответственных, заботливых взрослых».

Судорожно вихляясь и подскакивая, мальчик-калека наконец пересек въезд на парковку, и Филип смог тронуться вперед. Охранник разглядел на ветровом стекле его машины стикер с логотипом компании и, нажав кнопку, поднял полосатый красно-белый шлагбаум. Потея сильнее, чем обычно (он страшно опаздывал, хотя и не по собственной воле, но и понимая это, ощущал, как на него накатывало смутное чувство вины за все, что произошло сегодня, — от взрыва бомбы в Балтиморе до захвата Бали коммунистами), Филип осмотрелся. О черт! Все битком забито! Ни одного свободного местечка, куда бы он мог быстро припарковаться без посторонней помощи. Теперь придется втискиваться, подавая то назад, то вперед, выгадывая и выигрывая по паре дюймов.

«Ваши дети будут играть в залах с кондиционированным воздухом, — обещающе продолжало радио. — И в любое время, если им понадобится врачебная помощь, врач будет под рукой. Двадцать четыре часа в сутки, цена минимальная!»

Это хорошо для тех, кто в год заколачивает сотню тысяч долларов. А для большинства эти «цены минимальные» — настоящий грабеж! Мне-то это отлично известно! Так что, никто из охранников не собирается мне помочь? Выходит, нет — все вернулись на свои посты!

Обуреваемый яростью, Филип Мейсон опустил боковое стекло и принял отчаянно жестикулировать, стараясь привлечь внимание охранников. Воздух ворвался в салон автомобиля, Филип тотчас же закашлялся, а из глаз его брызнули слезы.

Нет, эта атмосфера не для него!

«А теперь — полицейские новости», — произнес диктор по радио.

Один из охранников повернулся в его сторону, и его физиономия, не отягощенная маской, выразила... удивление? Презрение? Как еще мог он отнести к этому белому, который даже дышать простым воздухом не может и сразу сбивается на кашель? Охранник, вздохнув, направился к машине Филипа.

«Слухи о том, что в долине Санта-Инес солнце так и не встало, лишены оснований, — проговорило радио. — Я повторяю». И радиоприемник снова проговорил ту же новость, но голос его был заглушен ревом самолетных двигателей, донесшимся из-за облаков. Филип сунул руку в карман и выудил оттуда пятидолларовую бумажку.

— Найдите местечко и припаркуйте мою машину, — сказал он, протягивая деньги охраннику. —

Я — Мейсон, менеджер денверского отдела.
10 Опаздываю на встречу с мистером Чалмерсом.

Едва успел договорить, как приступ кашля вновь согнул его пополам. От едкого воздуха защищало горло. Он представил, как слизистая поверхность горла затвердевает, покрывается роговой оболочкой и начинает шелушиться. Если по работе придется чаще, чем обычно, ездить в Лос-Анджелес, придется покупать фильтрующую маску. И черт с ним, пусть считают меня неженкой. Он же видел, пока сюда ехал, — не только девицы теперь носят маски.

Радио забормотало о немыслимых пробках, задувших дороги, ведущие на север.

— Сделаем! — проговорил охранник, ловко сворачивая пятидолларовую бумажку в трубочку, словно крутил косяк. — Не волнуйтесь. О вас спрашивали.

И он кивнул в сторону неоновой рекламы, сверкающей над вращающейся дверью и желающей всему миру веселого Рождества от лос-анджелесского бюро Федеральной службы спасения.

Спрашивали? Надеюсь, они не начали без меня?

На полу вращающейся двери — знаки созвездий: Весы, Скорпион, Стрелец. Дверь поворачивалась с нажимом — должно быть, воздушные замки по ее периметру были обновлены совсем недавно. По ту сторону двери Филипа принял в свои холодные объятья мраморный холл, также орнаментированный знаками зодиака. Философия жизни, которой придерживалось население Лос-Анджелеса, основывалась на идее бегства от пред назначенной тебе судьбы, а потому такого рода полупоэтические украшения нравились и тем, кто верил в астрологию, и тем, кто был настроен скептически к подобной ерунде.

В холле воздух был не только очищен, но и слегка ароматизирован. На скамейке у стены сидела и, как видно, уже давно ждала кого-то хорошенькая девушка-мулатка в обтягивающем

зеленом платье с длинными рукавами. Из-под пальто у нее выглядывали черные туфли на высоченных каблуках, но весь ее строгий и неприступный вид нивелировал широкий разрез на платье, сделанный спереди, через который были видны трусики с кустиком шерсти, имитирующим лобковые волосы.

Господи! Вчера ночью в Вегасе я, должно быть, сошел с ума. Я же знал, что нужно хорошенько выспаться, чтобы сегодня быть в форме. Но кто из нас поступает разумно? Боже! Понятно было, что все этим и закончится. И зачем я это сделал? Захотелось разнообразия? Что-то срочно самому себе продемонстрировать? О, Денни! Клянусь, я люблю тебя! Я совсем не хочу отказываться от этой замечательной работы, а на эту девицу я даже и не посмотрю. Чалмерс сидит на третьем этаже. Где указатели? Здесь, за автоматом с фильтрующими масками.

(И тем не менее я чувствую некую гордость оттого, что работаю с фирмой, которая заботится о своем имидже — даже в мелочах: самая распоследняя секретарша у них одета по последней моде, и не в какой-то там орлон или нейлон, а в *шерсть*. Поистине прогрессивная компания!)

Ну и как, скажите на милость, не задержать на ней взгляд?! Девица поднялась со скамейки и приветствовала Филипа широкой улыбкой.

— Вы — Филип Мейсон, — произнесла она несколько хрипловатым голосом. Приятно было осознавать, что и все прочие люди, живущие в Лос-Анджелесе, страдают от местного воздуха. Единственное, что настораживает, так это некая сексуальность, что сквозит в этой легкой хрипотце. — Мы встречались, когда вы были здесь в прошлый раз, но вы, наверное,

не помните. Я — помощница Билла Чалмерса,

— Конечно же, я вас помню, — отозвался Филип, превозмогая приступ кашля и чувствуя легкое покалывание в веках. Сказал он это не просто из вежливости — когда он был здесь в последний раз летом, он видел эту девицу; она была в коротком платье и с другой прической.

— Где можно помыться? — спросил он, демонстрируя Фелиции свои ладони и давая понять, что хочет ограничиться руками. Ладони были действительно липкими от грязи, которая сумела пробиться через электрофильтры, установленные в его машине. В Калифорнии нужны фильтры помощнее.

— Прямо по коридору и направо, — ответила помощница Чалмерса. — Я подожду вас здесь.

На дверях мужского туалета красовался знак Водолея, а на женском — Девы. Когда он только начал работать на эту компанию, он рассмешил коллег, заявив, что в целях достижения истинного равенства полов и для женщин, и для мужчин следовало бы оставить только одну дверь, украсив ее знаком Близнецов. Но сегодня он был отнюдь не в игривом настроении.

Филип зашел в мужскую комнату, увидел под дверным проемом одной из кабинок чьи-то ноги и насторожился — ограбления в туалетах нынче не редкость. Стоя над писсуаром, он краем глаза держал подозрительную кабинку в поле зрения. Послышался едва различимый всасывающий звук, после чего звякнуло стекло. О господи! Этот тип за дверью наполнил шприц! Неужели там наркоман, решивший удовлетворить свои недешевые интересы в укромном местечке? Не достать ли газовый пистолет на всякий случай?

Нет, это, конечно, паранойя. Башмаки неизвестного начищены до блеска. Наркоман

не станет так заботиться о своей внешности. Последний раз на Филипа нападали пару лет назад, и с тех пор порядка стало больше. Он отошел к ряду умывальников, но, впрочем, выбрал тот, в зеркале которого отражалась опасная кабинка.

Стараясь не испачкать грязной рукой светлую ткань брюк, Филип осторожно проник в карман, чтобы достать монетку. Черт побери! С тех пор, когда он был здесь в последний раз, они перенастроили подачу воды. У него в кармане были монетки по пять и двадцать пять центов, а автомат принимал теперь лишь десятицентовики. А что насчет бесплатной воды? Увы!

Он уже готов был вернуться к Фелиции и попросить монетку у нее, как вдруг дверь подозрительной кабинки распахнулась и оттуда, одергивая пиджак, вышел человек, одетый в черный костюм. Правый карман пиджака у этого типа оттопыривался чем-то явно тяжелым, а в чертах лица проступило что-то знакомое. Филип почувствовал, как напряжение отпускает его. Никакой это не наркоман. Наверняка у него диабет или гепатит. Если судить по полным щекам и багровому цвету лица, могло быть и то и другое... Но кто он?

— О! Вы тоже пришли на эту встречу с Чалмерсом! — проговорил тип и, приветственно протянув ладонь, двинулся к Филипу, но тут же, хмыкнув, отдернул руку.

— Простите, но сперва я чуточку ополоснусь, — сказал он и представился: — Я Хокин из Сан-Диего.

Тактичен, ничего не скажешь.

— А я — Мейсон из Денвера, — отозвался Филип. — Кстати, у вас не найдется лишнего десятицентовика?

14 — Не проблема! Буду только рад!

— Вот спасибо! — пробормотал Филип, аккуратно устанавливая пробку в сливное отверстие раковины — неизвестно, сколько воды они отвешивают за десять центов; но если столько же, сколько в прошлом году отпускали за пять, ее едва хватит на то, чтобы намылить и смыть руки. Филипу было уже тридцать два, но сегодня он чувствовал себя неуклюжим, растерянным подростком, которому со всех сторон грозила опасность. Правда, глянув в зеркало, он успокоился; все с ним было в порядке, зачесанные назад каштановые волосы выглядели вполне презентабельно, но вот беда: Хокин оделся, исходя из практических соображений, и на его почти черном костюме оседающая из воздуха грязь была незаметна; Филип же был в полуспортивном бледно-голубом, потому что Денис уверяла его, что этот цвет идеально подходит цвету его глаз, и, хотя ткань костюма не мялась, на воротнике и манжетах простирил пугающий темный налет. Взять на заметку: в следующий раз, когда поеду в Лос-Анджелес...

Вода была ужасна и вряд ли стоила десяти центов. Хорошо, что компания не брала плату за пропитанные мылом салфетки, но и от бесплатных толку было мало — Филипу едва удалось намылить ладони. Когда он ополоскивал лицо, в рот ему попало несколько капель, и он почувствовал вкус морской соли и хлорки.

— Как я вижу, вы тоже припозднились, как и я! — сказал Хокин, поворачиваясь к сушилке для рук. Слава богу, это тоже было бесплатно. — Меня притормозили эти грязные трейниты, которые заплонили весь Уилшир.

Зря он сполоснул лицо. Досадная ошибка — ни полотенец, ни бумажных салфеток в туалете не было и в помине. Нужно было сначала прове-